

Е.А. Митюкова

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НЕОБХОДИМОСТИ В ЛАТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Значение необходимости выражается в латинском и русском языках модальными операторами, представляющими собой лексические и грамматические (только для латинского языка) единицы. Они формируют функционально-семантическое поле с соответствующим значением, а их интерлингвистическое сопоставление позволяет выявить типологические и специфические признаки.

The meaning of necessity is expressed in the Latin and Russian languages by modal operators representing lexical and grammatical (only in the Latin language) units. They form functional semantic field with the corresponding meaning, and their inter-linguistic comparison make it possible to reveal typological and specific indications.

Значение необходимости является структурной единицей потенциальной субъективной модальности, которая рассматривается как экспликация возможных сценариев перехода ирреальной ситуации в реальную. Потенциальность охватывает некоторое множество модальных полей, которые конкретизируют вектор преобразования ситуации и обладают собственным набором языковых средств выражения, пересекаясь друг с другом. Необходимость как функционально-семантическая категория выражает в высказывании ирреальное действие, которое вследствие внешних или внутренних побудительных факторов должно трансформироваться в реальное. Степень обigatorности данной трансформации изменяется от неизбежности до рекомендации.

Модальное значение необходимости реализуется в латинском языке с помощью лексем и грамматических конструкций. Наиболее архаичным способом его передачи являются неличные предикаты и предикативные конструкции, которые выражают обобщенные и безличные представления о социальных, этических, эстетических и ситуативных факторах, под воздействием которых действие должно совершиться. Этимология и совокупность лексических значений, зафиксированных в словарных статьях, позволяет считать, что данные языковые единицы исходно выражали разные мотивировки обязательности действия:

1) *oportet* 'нужно', 'следует', 'надлежит' ← *op* + *vortere* 'вернуться', 'обратиться';

2) *necesse est* 'необходимо', 'непременно' ← *ne* + *cedo* 'невозможность отступления' + форма глагола 'быть', т. е. неизбежность;

3) *opus est* 'нужно' ← несклоняемое существительное со значением 'потребность', 'надобность' + форма глагола 'быть', т. е. потребность материального характера;

4) *usus est* 'необходимо' ← существительное со значением 'необходимость', 'нужда', 'употребление' + форма глагола 'быть', т. е. практическая необходимость, польза;

5) *decet* 'приличествует', 'подобает' ← глагол со значением 'украшать', 'быть к лицу', т. е. норма, основанная на эстетической оценке ситуации.

Предикат при этом обозначает необходимость не как субъективно ощущаемую потребность или диктуемую объективными обстоятельствами обязательность некоего виртуального развития событий, а как этическую норму данного социума [1; 4].

С течением времени в классической латыни формируется новый тип языковой презентации модальности долженствования – личный глагол *debeo* 'быть должным', 'быть обязанным', 'ощущать необходимость'. Он произошел от сочетания *de* + *habeo* 'обладаю полученным от другого'. В отличие от безличных предикатов и предикативных конструкций глагол *debeo* выражает значение

необходимости наиболее обобщенно и универсально, активно использует в контексте другие семантические оттенки потенциальности, в частности, намерения и оптативности. Доминирующие семы предиката предполагают персонально осознаваемый моральный долг, реальную потребность, а не вынужденность, обязательность, диктуемую извне, однако в процессе ослабления роли безличных предикатов глагол начинает использоваться для реализации любого оттенка семантики необходимости. Специфической формой латинского глагола, которая реализует модальное значение необходимости, является *Gerundivum* – отглагольное прилагательное, содержащее информацию о пассивном характере действия и его отнесенности к будущему, а также грамматическую информацию о роде и числе пассивного субъекта действия.

Семантическое поле необходимости в классическом латинском языке характеризуется полицентрической структурой, ядрами которой являются модальный глагол *debeo* и глагольная форма *Gerundivum*. Однако в различные периоды функционирования латыни элементы поля перемещаются от ядра к периферии или в обратном направлении. В частности, герундив был утрачен в процессе формирования романских языков, что также отразилось на частоте его употребления. В связи с этим констатируется перемещение семантического центра от герундива в сторону безличного предиката *decet*, который предполагает перспективное потенциальное действие и утверждает действие субъекта под влиянием предписания, нормы, правила. Устойчивым значением необходимости обладают предикаты *necesse est* и *oportet*, использование которых зависит от контекста, в связи с чем они относятся к центру поля. Сочетания *opus est*, *usus est* находятся на периферии в связи с уменьшением облигаторности, пересечением со значением намерения и редким использованием в тексте.

В русском языке ядром функционально-семантического поля необходимости являются лексемы *нужно*, *необходимо*, *неизбежно*, *обязан*, *должен*, *вынужден* и их дериваты. Эти лексемы обладают наибольшей степенью облигаторности, выражают деперсонализованную необходимость, продиктованную внешними обстоятельствами. Безусловной доминантой этого ряда, по мнению А.В. Бондарко, является слово *должен*, которое наиболее точно передает общее значение необходимости, причем может быть использовано для передачи всех без исключения семантических вариантов (стечение обстоятельств, предписание, этическая норма, воздействие чужой воли). Вследствие этого лексема *должен* может выступать как заменитель для всех других модальных лексем, обратная замена возможна не всегда [3, с. 147].

Лексемы *следует*, *надлежит*, *подобает* несут семантику соответствия принятым правилам, нормам. У предиката *следует* значение ‘нужно’, ‘должно’,

‘полагается’ является периферийным по отношению к семам ‘идти следом’, ‘находиться за чем-либо’, ‘двигаться’, ‘быть следствием’ [2, с. 1133–1135], поэтому основной ресурс реализации модального значения данного глагола – грамматическая форма (безличность, непреходность) и контекст.

Модальные лексемы *приходится*, *требуется*, *суждено*, *надо* в рамках поля необходимости относятся к периферии, поскольку снижается степень облигаторности. Также в суждении субъекта модальной оценки появляется семантика намерения, поскольку действие переходит из разряда ирреальных в реальное благодаря активности субъекта, обусловленной его рассуждениями о необходимости достижения цели. Такие слова, как *необходимо*, *неизбежно*, *обязательно*, *непреренно*, *с необходимостью*, служат специальными средствами выражения долженствования.

В отличие от латинского языка в русском отсутствуют личные глагольные формы со значением необходимости. Инфинитив в сочетании с безличными формами образует составное глагольное сказуемое, а сочетания глагола-связки *быть* с категорией состояния и предикативными прилагательными – составное именное сказуемое. Именно такие конструкции соответствуют латинским личным формам (напр., *debebat* ‘был должен’). Наличие грамматической формы, способной актуализировать необходимость, составляет специфику латинского языка, отчетливо проявляющуюся при сопоставлении с соответствующими модальными операторами русского языка.

Таким образом, план выражения семантических полей необходимости и намерения в латинском и русском языках имеет сходства, обусловленные универсальностью языковой категории модальности. Основное средство реализации – лексические языковые ресурсы. Особенности плана выражения модальности необходимости и намерения в русском языке по сравнению с латынью определяются следующими характеристиками: а) отсутствие специфических грамматических форм выражения значения необходимости; б) отсутствие личной формы глагола, презентующей необходимость; в) использование предикативных наречий и прилагательных, слов категории состояния для выражения значения необходимости и намерения.

Литература

1. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 846 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 7. – 752 с.
3. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / редкол. А.В. Бонларко (отв. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
4. *Walde, A. Latcinisches etymologisches Worterbuch: 2 Bd. / A. Walde. – Heidelberg: Carl Winter's Universitatverlag, 1938–1954.*